

Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал

Ольга Вербилевич

Классический труд Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (1962 г.) является результатом теоретической рефлексии над теми политическими и социальными переменами, которые происходили во многих странах мира, включая Германию, в начале XX в. Как пишет сам автор, стимулом работы над книгой стал своеобразный «веймарский синдром» [Хабермас, 2011. С. 23], осмысление «духовного разоружения» и тех процессов, которые были призваны «перевоспитать» послевоенную Германию. Работая ассистентом у Теодора Адорно во Франкфуртском институте социальных исследований, Хабермас пытался осмыслить процессы модернизации немецкого общества после двух мировых войн, понять, как в немецком обществе исчезла культура демократических переговоров ввиду появления такой патологии как нацизм. Это, в свою очередь, дало импульс к осмыслению значимости и функций публичных пространств, «по которым можно считать структуры общественной интеграции»

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве» и «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

[Хабермас, 2011. С. 24]. Обращение же к проблематике языка и феномену морали во многом было спровоцировано, как признается сам мыслитель, личным опытом «сбоя коммуникации», после операции на нёбе, перенесенной в школьном возрасте, за которой последовало исключение из круга сверстников и «посреднического мира символов, которые невозможно потрогать как предметы» [Хабермас, 2011. С. 19] и трудно проговаривать. Проблематизация ситуации речи и способов достижения взаимопонимания в ходе коммуникации стала поводом для рефлексии.

Теория коммуникативного действия является результатом поиска тех основ, которые способны обеспечить взаимопонимание и интеграцию социальных субъектов. Концепция же *публичной сферы*, являясь закономерным результатом этого поиска, воплощает в себе идеально-типическую модель взаимодействия, в ходе которого устанавливается «мораль равного уважения» [Хабермас, 2011. С. 20], и возможны проблематизация и изменение тех структур социального мира, которые дают сбой. В данной работе мы пробуем проследить логику и последовательность тех шагов, которые предпринял Ю. Хабермас при построении теории коммуникативного действия. Это позволит нам понять основания концепции публичной сферы и то, как ее можно применять в исследовании феномена публичности тех социальных групп и процессов, которые выходят за рамки аналитической схемы Хабермаса.

Теория коммуникативного действия многогранна, она аккумулирует в себе мощные теоретические ресурсы философской и социологической мысли, интегрируя познавательный потенциал теоретических школ, которые традиционно находятся в оппозиции (марксизм, «понимающая» социология и структурный функционализм). Обращаясь к категориям самого Хабермаса, можно сказать, что теория коммуникативного действия стремится удовлетворить запросы всех трех типов «познавательных интересов» [Habermas, 1971. P. 301–317]: технического (прогнозирование и управление), практического (интерпретация и понимание) и эмансипаторного (критика и высвобождение).

Хабермас находит пересечения аналитических схем понимающей социологии и структурного функционализма и, формируя ядро своей теории, «примиряет» социологические традиции в поисках единой логики. Однако при этом он указывает на своеобразные лакуны, которые способен восполнить марксизм и немарксизм. Чтобы установить основания и ключевые аргументы этой логики, обратимся к таким теоретическим понятиям, как социальное действие и рациональность. Мы оттолкнемся от хо-

рошо известной всем социологам типологии социального действия, предложенной Максом Вебером, и покажем, как она была модифицирована Юргеном Хабермасом. Затем попробуем сравнить структуру коммуникативного действия у Хабермаса и «элементарного действия» у Толкотта Парсонса, а также постараемся понять, какие точки роста для развития критической теории Хабермаса находил в учении Карла Маркса.

Вебер, Парсонс, Хабермас: социальное действие

В работе «Основные социологические понятия» М. Вебер определяет *категорию социального действия* («действования») через два ключевых компонента: «*субъективный смысл*» и «*ориентация на Другого(их)*» [Вебер, 1990. С. 455–491]. Иными словами, поведение человека является «осмысленно ориентированным» и подчиняется определенным индивидуальным мотивам. Мы можем считать действие социальным, когда имеет место *процесс соотнесения взаимных ожиданий* («ориентаций на Другого»): целей и средств, осознаваемых как адекватные для достижения целей («целерациональное действие»). Такой процесс, по мнению классика, является базовым («идеальным типом»), так как он наиболее очевиден и «доступен рациональному толкованию» [Вебер, 1996. С. 495]. Отклонения от идеального типа дают *иные типы действия*: традиционное, аффективное, ценностно-рациональное [Вебер, 1990. С. 628–630] (см. табл. 1).

Согласно Веберу, *ценностно-рациональное действие* социально постольку, поскольку в качестве цели здесь выступает субъективное убеждение в правильности поведения, ориентированного на религиозную, эстетическую, моральную или любую другую догму (ценность). Традиционное и аффективное действие располагаются на границе социальности. К примеру, ритуал или созидательный выплеск эмоций (сублимация) могут быть рациональны по отношению к осознанному обычаю и творчеству соответственно. В то время как неосознанное реактивное подражание верованиям, инстинктам, эмоциям иррационально. Согласно Веберу, именно рациональное действие отражает «интерес эпохи» и является адекватным теоретическим конструктом для постижения социальной реальности. Для объяснения общественных отношений на макроуровне (то, что мы сейчас назовем институтами, гражданским обществом), Вебер вводит категорию «*общественно-ориентированное действие*» [Вебер, 1996. С. 507] как субъективно осмысленное соотнесение с поведением других на основе «конвенциональных договоренностей».

**Типология социального действия
у М. Вебера и Ю. Хабермаса¹**

М. Вебер	Ю. Хабермас
<ul style="list-style-type: none"> • традиционное следование ритуалу • аффективное всплеск эмоций 	<ul style="list-style-type: none"> • драматургическое участники публичного взаимодействия выражают и представляют самих себя
<ul style="list-style-type: none"> • ценностно-рациональное следование догме, долгу • традиционное следование ритуалу 	<ul style="list-style-type: none"> • нормативное ориентация на сложившуюся систему норм и ценностей
<ul style="list-style-type: none"> • целерациональное соотнесение взаимных ожиданий: целей и средств 	<ul style="list-style-type: none"> • телеологическое: ориентация на достижение цели: • инструментальное – объекты материального мира • стратегическое – на ожидания, цели и средства «Другого»
<p>коммуникативное – действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия; соотнесение ожиданий происходит на всех трех уровнях общественных интересов (знание, норма, интенция)</p>	

Влияние концепции социального действия М. Вебера прослеживается в логике *структурно-функционального анализа* Т. Парсонса. Парсонс определяет общество как «социальную систему действия» [Парсонс, 1994. С. 38–39], в которой центральное место занимает мотивированное поведение человека. «Элементарное действие» [Парсонс, 2000] включает в себя *действующее лицо, цель, ситуацию* (условия и средства), *нормативную ориентацию* («категории общественно-ориентированного действия») и «конвенциональные договоренности» у М. Вебера) и *принятие решения* (см. табл. 2).

¹ Составлено по источникам: Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 628–630; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. С. 320–325.

Таблица 2

**Структура «элементарного действия» Т. Парсонса
и «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса¹**

«Элементарное действие» (Парсонс)	«Коммуникативное действие» (Хабермас)
Действующее лицо	Действующие субъекты
Цель	Ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий
Ситуация (условия + средства)	Ситуация (действие + речь)
<i>Нормативная ориентация:</i> - ценностная - мотивационная (чувственная, когнитивная и оценочная)	- «Фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания - «Сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств
Принятие решения	Принятие решения на основе взаимного согласия

Нормативная ориентация в последующих работах Парсонса [Парсонс, 1979. С. 169–172; 1994. С. 53–78] связывается с обобщенными символическими системами, прежде всего с языком и культурными кодами. Категория «нормативная ориентация» распадается на ценностную и мотивационную. В последней Парсонс выделяет чувственную, когнитивную и оценочную (цели + средства vs. последствия) ориентации на объекты социальной системы. Парсонс во многом ориентируется на аналитическую схему идеального типа целерационального действия М. Вебера, но разворачивает и углубляет категорию «общественно-ориентированного»

¹ Составлено по источникам: Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 53–78; Парсонс Т. К общей теории действия. Социальная система // История буржуазной социологии первой половины XX века / сост. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1979. С. 169–172; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 324–340.

действия М. Вебера, уделяя внимание системе производства смыслов в целом (системе культуры, проблематике языка, морали). Как видим, конструкт коммуникативного действия Ю. Хабермаса является, скорее, результатом модернизации теории Вебера, попыткой взглянуть на историю развития социального действия под углом разных социологических парадигм: пересмотр теории Парсонса, который, как оказалось, во многом полагался на веберовское понимание социального действия, переход к интеракционизму и драматургической социологии Ирвинга Гоффмана. В то же время был необходим пересмотр этих парадигм непосредственно с позиций марксизма и неомарксизма, казавшихся Хабермасу наиболее мощным инструментом критики и рефлексии.

Ревизия неомарксизма, возвращение к учению Маркса

Критическая теория Ю. Хабермаса стремится преодолеть проблемы, которые были не способны решить теоретики первого поколения Франкфуртской школы. «Диалектика просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно «разоблачает» Просвещение, указывая на возврат к мифологической картине мира: «понятия духа, истины и даже просвещения сами становятся относящимися к сфере анимистического колдовства» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 25]. Стремление установить закономерность, повторяемость действия или события порождает те мифы капиталистического общества, которые в дальнейшем приводят к его упадку и таким болезням, как угнетение, коммерциализация, маргинализация, «тотальный обман масс» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 60] в форме культурной индустрии. Однако Хоркхаймер и Адорно, как отмечает Хабермас, сконцентрированы лишь на критике как таковой и предлагают одностороннее видение прогресса инструментального разума, который породил и воплотил в жизнь такие идеалы буржуазной мысли, как право и мораль, конституционную демократию и авангардное искусство [Habermas, 1996. P. 113]. Иными словами, необходим поиск новой теоретической модели, способной объяснить и предложить пути преодоления патологий рационального действия, о которых говорят франкфуртцы первого поколения. Новое переосмысление Маркса, проделанное Хабермасом, позволяет ему найти необходимые основания для построения такой теории.

К. Маркс и его последователи указали на феномен отчуждения и наделили рабочий класс функцией высвобождения общества от патологических структур капитализма, но, по мнению Хабермаса, главное упущение заключается в том, что Маркс по-прежнему

«редуцирует процесс рефлексии к уровню инструментального действия» [Habermas, 1987a. P. 47], стирает границу между наукой о природе и наукой об обществе.

Хабермас утверждает, что фактически Маркс создает науку об обществе, основанную на критике идеологии, однако не рефлексиирует над дальнейшим развитием этой идеи и в своем учении отдает приоритет инструментализму естествознания [Habermas, 1987a. P. 47–48].

Следуя логике Хабермаса, необходимо распознать те структуры и сферы современного общества, в которых артикулируются и закрепляются нормы производственных отношений [Habermas, 1987a. P. 48–50]. Особое внимание следует уделить смыслам, которые находятся в поле интересубъективного (межличностного) взаимодействия. Традиционная для науки проблематика сознания здесь, по мнению Хабермаса, должна уступить место проблематике языка как универсальной формулы взаимопонимания (в русле общего лингвистического поворота в развитии науки [Rorty, 1967]). При этом герменевтическое толкование не должно отвергать предыдущих аналитических заходов, заимствованных в классических философско-социологических парадигмах. Необходимо комплексное сочетание системного подхода, понимающего «вживания» в структуру действия и понимания тех ресурсов повседневного языка, общения, которые делают возможным процесс взаимного согласия.

Парсонс, Щюц, Хабермас: система и жизненный мир

Хабермас, как и Парсонс, обращается к системе культуры и структурам языка, противопоставляя им государство и властные институты. Возникают категории «система» и «жизненный мир» [Хабермас, 1993b. С. 123–136]: по мнению Хабермаса, «система» как те процессы, которые гарантируют оформленность социально-взаимодействия, стабильность и устойчивость этих форм (статус-кво), стремится подчинить себе мир смыслов и значений, образующийся в интересубъективной повседневной коммуникации («жизненный мир»), подменяя процесс согласования общих целей процессом манипулирования и подчинения.

Хабермас критикует первое поколение теоретиков неомарксизма за стремление оставить в стороне теорию Парсонса [Habermas, 1987a. P. 199], так как ни одно толкование современного общества не может претендовать на значимость без опоры на структурно-функциональный анализ. Однако, по мнению Хабермаса, необходим

переход от теории систем к теории социального действия, которая способна бросить вызов системной интеграции [Murphy, 2013]. Как представляется, ключевое различие структурно-функционального анализа Парсонса и социальной теории Хабермаса заключается в следующем. Если Хабермас отводит социальному действию функцию «перезагрузки» общественных отношений в случае сбоя (патологии) в «системной интеграции», то у Парсонса социальное действие выступает гарантом сохранения системой статус-кво и не обладает эмансипаторным потенциалом.

Поворот к значимости категории «жизненный мир» и герменевтической традиции в целом, по мнению Хабермаса, начинается еще тогда, когда Кант обращается к действующему субъекту и «толкует его контакт с миром больше не рецептивно, исходя из аффекции органов чувств, а трансцендентально» [Хабермас, 2009]. Интерпретируя категорию «жизненный мир» и определяя ее роль в своей теории, Хабермас отталкивается от понятия «Lebenswelt» Э. Гуссерля – жизненный мир как особые процессы фиксации смысла и «смыслообразования» [Гуссерль, 2000. С. 495], мир очевидностей, который задает рамки любого взаимодействия. Однако, в отличие от Гуссерля, Хабермас настаивает на том, что структуры жизненного мира не задаются лишь интенциями трансцендентального эго, а конструируются знаниями и опытом, заложенными в культуре и языке: «это мир привычных перформативных действий, социальных отношений в определенный культурно-исторический момент» [Хабермас, 2009]. В то же время Хабермас пытается понять, как толкует «жизненный мир» феноменология, и приходит к выводу, что аналитическая рамка Шюца тяготеет к культурологическому толкованию, оставляя за пределами своей логики институциональные структуры, а также структуры сознания [Habermas, 1987. P. 126–132]. Познающий субъект отделен от «объективного мира» неким горизонтом повседневности, практического разума, который не позволяет, по представлениям классической номиналистской традиции, постичь знания об этом «объективном мире», не отказавшись от логик практического разума. Однако в повседневном мире можно разглядеть те структуры, которые задают регламент любого действия субъекта. Именно эти структуры (структуры общения, процессы категоризации, регуляторы поведения), формируют некий «слепок» объективного мира [Хабермас, 2009], о котором мы «договариваемся» в силу того, что не можем постичь его целостно и одновременно.

Добившись комплексного понимания процессов оформления смыслов и действий в структуры «жизненного мира», Хабермас

предположил, что с изменением структуры общения и перформативности возможен переход к иному типу рациональности – коммуникативной рациональности, воплощением которой является такой идеальнотипический конструктор, как «публичная сфера».

Хабермас: публичная сфера как воплощение коммуникативной рациональности

Отталкиваясь от категорий «система» и «жизненный мир», Хабермас определяет *публичную сферу* как некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система» и «жизненный мир», приватное становится политическим. Рассуждения Хабермаса о категории публичной сферы в его ранней работе во многом перекликаются с «публичным пространством» Ханны Арендт [Арендт, 2000. С. 211–215], под которым она подразумевает место, где человек становится гражданином, участвует лично в обсуждении общественных дел, публично выражает свое мнение и обменивается им с другими гражданами, где различия признаются без насилия или принуждения. Различия между концепциями «публичного пространства» и «публичной сферы» [Трубина, 2003. С. 819–820] заключаются в том, что в концепции Арендт делается акцент на сопричастности и видимости акторов, на пространственных метафорах, тогда как публика Хабермаса может быть рассеяна в разных местах, но слышима друг другу благодаря СМИ, это прежде всего читающая публика. Реагируя на критику предложенной им модели публичной сферы, в более поздних работах [Habermas, 1992. P. 421–461] Хабермас рассуждает о современной публичной сфере как о множестве различных подсфер, которые не могут быть администрированы и заключены в замкнутые общности, сводимы к некому одному пространству. Современные интернет-площадки упрощают взаимодействие и делают его доступным для разных групп населения, с одной стороны, но по-прежнему утилизуют активность аудитории, размывают основания дискуссии под влиянием интересов государства и рынка, с другой стороны. Эти допущения Хабермаса развивает и его ученица Сейла Бенхабиб, которая характеризует Интернет как сферу «нарциссических репрезентаций», превращающих публичный диалог в «публичный разговор» [Benhabib, 1992. P. 14–15]. Поэтому можем допустить, что уместно говорить о публичной сфере как пространстве и процессе, в котором воспроизводятся и переформатируются культурные коды («конвенциональные договоренности» у М. Вебера).

В капиталистическом обществе, о котором пишет Вебер, основным мотивом социального действия выступает стремление к

выгоде, которая может быть достигнута в ходе «примерки» рамок «мотив – средство – цель – последствия» каждого из действующих субъектов. При определенной комбинации средств, оценке последствий действия и, условно, «примерке» мотивов действующих субъектов друг к другу «конвенции» заключаются исходя из взаимных выгод и издержек (при этом условия конвенции не всегда прозрачны для всех субъектов). Иной же тип рациональности, на которой базирует свою теорию Ю. Хабермас, скорее должен быть основан на стремлении найти «взаимопонимание», создавая единую транспарентную рамку-конвенцию непосредственно в процессе коммуникации. При этом для осуществления традиционного и аффективного действия не является обязательной установка на понимание. Между тем целерациональное и коммуникативное действие невозможно без определенной общей системы координат, по поводу которой действующие субъекты могут соглашаться либо не соглашаться друг с другом («конвенциональные договоренности» у Вебера или «сферы референций» (знание, норма, интенция) у Хабермаса).

Как соотносить понятия «конвенциональные договоренности» Вебера и «сферы референций социального действия» Хабермаса? Именно логика «коммуникативной» рациональности в теории Хабермаса дает индивиду возможность упорядочивать знание в соответствии с социальными нормами и субъективными оценками (практический интерес); моделировать, предсказывать и оценивать социальные процессы (технический интерес); искать в повседневном общении единые смыслы и оценки, оформляя их в законы, нормы и традиции (эмансипаторный интерес) [Монсон, 1992. С. 380]. Таким образом, *коммуникативное действие* – это «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [Хабермас, 2000. С. 12].

Структура коммуникативного действия [Хабермас, 2000. С. 324–340], по мнению Хабермаса, такова:

- 1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»;
- 2) «ситуация действия и ситуация речи»;
- 3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания;
- 4) «сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств.

В предложенной Хабермасом структуре действия довольно четко прослеживается влияние теории социального действия Парсонса (см.

табл. 2). Если сопоставить аналитические схемы Парсонса и Хабермаса, получим пересечения следующего порядка: как и Парсонс, Хабермас обращается к категории «нормативные ориентации», выделяя соответствующие сферы референций. Однако точкой отсчета выступает не актер и его мотивы, а ситуация коммуникации (диалог) и взаимное согласие как механизм координации действий. Хабермас противопоставляет *процессуальное понимание рациональности* (согласование взаимных ожиданий и понимание возможны в процессе рационально-критического диалога в публичной сфере) *когнитивно-инструментальному* (целерациональное действие в концепциях Вебера и Парсонса).

Используя методологию М. Вебера, Хабермас описывает трансформацию различных форм рациональности в таких типах социального действия [Хабермас, 2000. С. 320–325], как «нормативное» (ориентация на сложившуюся систему ценностей), «драматургическое» [Гоффман, 2000] (репрезентация в ходе публичного взаимодействия), «телеологическое» (ориентация на материальные объекты и «Другого») и коммуникативное (ориентация на достижение согласия и соотнесение действий со знанием, нормой, интенцией). И если нормативное и телеологическое действия были уже истолкованы в теории Вебера (см. табл. 1), то объяснение драматургического и коммуникативного действия укладываются в теоретическую модель трансформации публичной сферы, представленную Хабермасом.

Представление себя публике: Гоффман и Хабермас

Настаивая на перформативности как базовой характеристике «жизненного мира» и коммуникативного действия [Хабермас, 2009], Хабермас обращается к понятию драматургического действия И. Гоффмана [Гоффман, 2000. С. 54–63], под которым последний понимает социальное действие, ориентированное на стремление произвести впечатление на публику, подобно поведению актеров театра. Хабермас отмечает те моменты, которые требуют критики в процессе включения этого понятия в теорию коммуникативного действия. Прежде всего, это акцент Гоффмана на ориентацию на достижение цели и стратегический характер репрезентаций действующих субъектов. Эти черты не позволяют сделать коммуникацию прозрачной и осмысленной [Chriss, 1995. P. 545–565]. Именно в логике ориентации на достижение цели и стратегии драматургическое действие как репрезентация себя публике выступало ключевым ресурсом приближения к властным кругам и демон-

страции экономического успеха в феодальном обществе [Habermas, 1991. P. 5–14; Хабермас, 2000. С. 324–340]. При этом функцию легитимации и контроля властных кругов в феодальном обществе выполняли те же приближенные к монарху (феодалу), а интересы других слоев населения не артикулировались публично.

Трансформация общественных отношений, развитие буржуазного общества, а главным образом появление прессы сделали возможным образование нового социального слоя – людей, читающих и интерпретирующих прессу (новостные дайджесты) и литературу („literary public sphere“ or „public sphere in the world of letters“ [Habermas, 1991. P. 29]), – который взял на себя функцию рефлексии общественных отношений и контроля государства. Осуществлению этих функций способствовало формирование публичных пространств, участие в которых было свободным, сознательным и добровольным, а процесс обсуждения происходил вне контроля рынка и государственных структур – кофейни и салоны [Habermas, 1991. P. 35–43]. Таким образом, коммуникативное действие возможно в *публичной сфере*, конституирующими условиями которой выступают [Habermas, 1991. P. 91]: рефлексивность, открытый диалог и горизонтальный характер социальных связей, доступность и равное участие, автономность площадки дискуссии, отсутствие прямого государственного контроля, а также гибкость временной протяженности взаимодействия. Однако достижению взаимодействия на указанных основаниях могут препятствовать рыночные и властные интересы, которые стремятся подчинить публику и публичное пространство, сделав взаимодействие управляемым и обеспечив тем самым собственный «статус-кво».

Манипулятивная публичная сфера

С течением времени роль публики и публичной сферы под влиянием прессы трансформируется в институт общественного мнения, наделенный функциями легитимации власти. Однако публичная сфера испытывает обратное влияние массовой прессы и властных институтов, и со временем капиталистическое общество превращает публику в пассивного агента политического перформанса. Хабермас описывает этот процесс как «рефеодализацию СМИ» [Habermas, 1991. P. 200–201] в начале XIX в.: рационально-критический диалог, инициированный в эпоху расцвета книгопечатания, размывается практиками потребления, процессами коммерциализации буржуазных медиа.

В обществе постмодерна, где интересы граждан подчинены «индустрии культуры» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 60–61] и по-

литическому перформансу, институты СМИ становятся подконтрольными рынку и властным структурам, награждают определенные группы властью и престижем, подобно монархам в феодальную эпоху. Политическое участие публики сводится к молчаливому потреблению медиапродукта. Граждане пользуются сервисами государственных структур и принимают на себя роль потребителя, ожидая очередного решения со стороны властных институтов. Такие тенденции формируют «манипулятивную» публичную сферу [Habermas, 1991. P. 211–222], создаваемую рынком и властными институтами для легитимации существующего социального порядка.

Публика в обществе постмодерна: пересмотр теории Хабермаса

Для возрождения рационально-критической дискуссии в публичной сфере, по мнению Хабермаса, необходимо участие интеллектуалов [Habermas, 2006], так как именно этот класс сохранил способность к неангажированному политическому суждению. Однако, как отмечает Ненси Фрейзер, в своей классической работе Хабермас не предлагает комплексной теоретической модели «постбуржуазной» публичной сферы [Fraser, 1992. P. 109–142]. По мнению Фрейзер, «публики многообразны, но нет отношений равенства диалога», существуют «подчиненные контрпубличные сферы» [Fraser, 1992. P. 128], между различными публиками существует противостояние. Нельзя также оставить без внимания те социальные группы, которые были лишены участия в публичной дискуссии в концепте либеральной буржуазной публичной сферы [Cohen, 1995. P. 57–90], но обретают право голоса в мультикультурном глобализованном обществе (например, женщины, мигранты, национальные меньшинства, люди с инвалидностью).

Вскоре после защиты Хабермасом докторской диссертации по теме «Структурная трансформация публичной сферы» Оскар Негт и Александер Клуге представили критику центрального понятия его работы. По мнению исследователей, буржуазная публичная сфера – это не соответствующий реальности идеал, который исключает участие «зависимых» социальных групп (в первую очередь рабочего класса). Необходимо сфокусироваться на рабочем классе и его потенциальной возможности быть включенным в дискурс коммуникативной рациональности. Такое стремление исследователей оформляется в виде концепций «публичные сферы пролетариата» и «производственные публичные сферы» [Negt, Kluge,

1993. P. 34–38]. Говоря о публичных сферах пролетариата, Негт и Клюге не имеют в виду непосредственное противопоставление классов буржуазии и пролетариата. Речь идет не о классовых различиях, а о самом характере дискурса публичных сфер пролетариата: это скорее иррациональные, эмоциональные действия и ультиматумы, основанные на тех ценностях, которые не восприняты и не приняты обществом. «Это своеобразные „экстраэкономические“ интересы, которые существуют в особой зоне запретного, под слоем социальных табу как стереотипы повседневности рабочего класса, структурированной в рудиментарной форме» [Negt, Kluge, 1993. P. 57]. При этом буржуазная публичная сфера и публичные сферы рабочего класса взаимосвязаны и взаимоопределяемы. Кроме этого, по мнению Негта и Клюге, необходимо учесть существование еще одной разновидности публичной сферы – «производственной» публичной сферы [Negt, Kluge, 1993. P. 57; 12–18], которая имеет сугубо инструментальную природу. Интересы, инкорпорированные в производственную публичную сферу, приобрели капиталистические формы и, соответственно, утратили критическую функцию.

Наиболее весомый аргумент против жизнеспособности теоретической модели Хабермаса высказывает Мишель Фуко, который утверждает, что поиск любой универсальной морали, основанной на консенсусе, утопичен. Под вопросом сам факт некоего общего интереса, который могут разделять разные по своей природе социальные группы [Foucault, 1988. P. 1–20]. Ответом Хабермаса можно считать утверждение, высказанное им в поздних работах, о том, что в своей теории он попытался выстроить идеально-типическую модель, а не нормативный идеал, который должен быть реанимирован и возвращен к жизни [Habermas, 1991. P. 422].

Опираясь на классическую идею Хабермаса, ее критику и последующие попытки развития, мы можем говорить о публичности как о регулятивном механизме, способном производить и интерпретировать смыслы социального действия, а порой даже и закреплять их в качестве институциональной нормы, в том случае, когда определенная тема или проблема, возникая на периферии сферы приватного, посредством медиа перемещается в сферу публичной дискуссии и заставляет властный дискурс пересмотреть сложившиеся «шаблоны» коммуникации, образцы поведения. И здесь большим потенциалом обладают «сетевые» коммуникации. По мнению Л. Беннетта [Bennett, 2012], для изучения современной публичной сферы и эмпирических исследований важным срезом анализа выступают «сетевые» медиа как посредники той дискус-

сии, в которой возможно непринужденное и свободное от власти и рынка участие, и массмедиа как «манипулятивная публичная сфера». Предлагаемый исследователем подход открывает интересные перспективы анализа, так как, по сути, это эмпирическая попытка зафиксировать и измерить специфику публичной сферы общества постмодерна с присущими ему чертами гетерогенности и конкурентности публичного взаимодействия, где как раз «сетевые медиа» и «массовые СМИ» могут выступать в качестве контрпублик, на которых настаивает Н. Фрейзер.

Выводы

Попытка реконструкции истоков и эволюции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволила нам отразить структуру и логику анализа такой категории, как публичная сфера. Нормативная модель, предложенная немецким философом и социологом, на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее прогрессивной попыткой понять, как происходит преобразование социальной практики «снизу», какие интенции этому предшествуют? Комплексное видение этих процессов представляется актуальным и востребованным ввиду таких «болезней» современного общества как терроризм, бедность, столкновение культур в ходе миграционных процессов, ущемление прав и маргинализация отдельных социальных групп и национальных меньшинств. И даже в большей степени для так называемых «транзитных» обществ, которые сталкиваются с перечисленными вызовами современности в отсутствие демократических механизмов саморегуляции.

Одной из групп, которые «лишены голоса» в социальной практике транзитных обществ, безусловно, являются люди с инвалидностью. С позиций классической модели Ю. Хабермаса, а также изложенных направлений развития этой модели, прежде всего К. Кэлхуна, Н. Фрейзера и Л. Беннета, возможен анализ формирования и функционирования «публичной сферы инвалидности», роли и места этой публики в современном российском обществе, а также ключевых агентов дискуссии: СМИ традиционно транслируют устоявшиеся стереотипы в *доминирующем дискурсе*, однако в дискурсе «на периферии» посредством сетевых медиа может возникать рационально-критический диалог. НКО или сообщество (например, родители детей с инвалидностью, специалисты, работающие с людьми с инвалидностью) могут противостоять «оскорбительной» риторике в СМИ и требовать переопределения категории инвалидности [Вербилович, 2013. С. 257–272], искусство и

творческая интеллигенция способны вносить новые смыслы взаимодействия, переформатировать установки и образцы поведения, основанные на стереотипах¹. Важным вопросом выступает проблема представительства людей с инвалидностью в публичной сфере. Те или иные формы инвалидности обуславливают характер и возможности публичных репрезентаций, артикуляции собственной позиции. Необходимо понять, как устанавливаются границы собственного присутствия людей с инвалидностью в публичной сфере и какие акторы могут выступать «публичным лицом и голосом» общества (родители, журналисты, писатели, лидеры мнений). Возвращаясь к утверждению Хабермаса о том, что состояние и характер публичного взаимодействия во многом позволяют «считывать» структуры интеграции общества, можно полагать, что изучение путей и эффектов появления категории инвалидности в публичной сфере позволяет судить о потенциальных направлениях интеграции людей с инвалидностью в общество и сопутствующих проблемах.

Список источников

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. Гл. 2.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Добренко В.И. (ред.) Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: тексты. М.: Наука, 1996.

Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

Вербилевич О. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 257–272.

Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.; М., 2000.

¹ Фильмы кинофестиваля о жизни людей с инвалидностью «Кино без барьеров» / <http://www.kinofest.org/ru>; люди с синдромом Дауна как актеры театра / <http://www.teatrprosto.ru>; люди с инвалидностью как модели подиума / <http://www.bezgraniz-couture.com>.

Монсон П. Юрген Хабермас и современность // Монсон П. (ред.) Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / пер. со швед. А. Ливановой. СПб.: Нотабене, 1992. С 307–345.

Парсонс Т. К общей теории действия. Социальная система // Ионин Л.Г. Осипов Г.В. (сост.) История буржуазной социологии первой половины XX века. М.: Наука, 1979. С. 167–248.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 462–478.

Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 15–52.

Трубина Е.Г. Публика // Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. (сост.) Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 1312.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.

Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. С. 15–26.

Хабермас: лекция о жизненном мире // Эксперт. 2009 // http://www.russia.ru/video/nauka_habermas/ (дата обращения: 9.10.2013).

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997.

Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York: Routledge, 1992.

Bennett L. Grounding the European Public Sphere. Looking Beyond the Mass Media to Digitally. Mediated Issue Publics // I KFG Working Paper Series (43), Kolleg-Forschergruppe „The Transformative Power of Europe“. Berlin: Freie Universität, 2012.

Cohen J.L. Critical Social Theory and Feminist Critiques: The Debate with Jürgen Habermas // Meehan J. (ed.) Feminists Read Habermas: Gendering the Subject of Discourse. New York: Routledge, 1995. P. 57–90.

Foucault M. The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom // Bernauer J., Rasmussen D. (eds.) The Final Foucault. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. P. 1–20.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Calhoun C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 109–142.

Habermas J. *An Avantgardistic Instinct for Relevances: The Role of the Intellectual and the European Cause*. The Institute for Public Knowledge, New York, 2006.

Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 425–429.

Habermas J. Knowledge and Human Interests: a General Perspective // J. Habermas. *Knowledge and human interests*. Boston: Beacon Press, 1978. P. 134–148.

Habermas J. The Idea of the Theory of Knowledge as Social Theory // J. Habermas. *Knowledge & Human Interests*. The University of Virginia: Polity Press, 1987. P. 102-317.

Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge: MIT Press, 1996.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action* / McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.

Murphy M. When Habermas met Parsons (theoretically speaking) // *Social Theory applied*. 2013. August 2 // <http://socialtheoryapplied.com/2013/08/02/when-habermas-met-parsons-theoretically-speaking>. Available at: 10.10.2013.

Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Rorty R. (ed.) *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967.